

Капитанъ Александръ Комаровъ.

ОТВѢТЪ ИНВАЛИДА
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
НА ПАРИЖСКІЯ СОВѢЩАНІЯ
„ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ“.

-----o>>>o>>>o>>>o>>>o>>>-----

КОНСТАНТИНОПОЛЬ.

1921 годъ.

Капитанъ Александръ Комаровъ.

ОТВѢТЪ ИНВАЛИДА
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
НА ПАРИЖСКІЯ СОВѢЩАНІЯ
„ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ“.

.....

КОНСТАНТИНОПОЛЬ.

1921 годъ.

Типографія «З А Р У Б Е Ж О М Ъ»,
Рѣра, 84, Koumbaradji.

Въ то время, когда севастопольская че-ка доканчиваетъ искорененіе контръ-революціи въ Крыму и порывы нордъ-воста раскачиваютъ восемь тысячъ труповъ повѣшенныхъ на Нахимовскомъ бульварѣ,—въ комфортабельныхъ парижскихъ салонахъ „объединяются“ на платформѣ „великой безкровной революціи“ бывшіе министры временнаго правительства, бывшіе депутаты, адвокаты, журналисты и выносятъ резолюціи о томъ, что они возьмутъ „въ свои руки“ дѣло борьбы съ большевиками.

Когда всѣ эти бывшіе люди устроили февральскій переворотъ и очутились у давно грезившаея имъ власти, то ихъ руки, въ которыя они теперь намѣрены взять дѣло борьбы съ Совѣтороссіей, не удержали рѣшительно ничего, государственный аппаратъ изъ этихъ неумѣлыхъ рукъ выскользнулъ и разбился вдребезги, а сами они, оказавшіеся никчемными болтунами, поспѣшили удрать за границу изъ той Россіи, въ которой зажженный ими революціонный пожаръ запылалъ перепугавшимъ ихъ гигантскимъ костромъ..

Другая группа нашихъ „освободителей“—эсэ-эровская, собралась въ Прагѣ, куда съѣхались всѣ политическіе аферисты изъ шайки Керенскаго и приняли, по образцу своихъ старшихъ коллегъ-большевиковъ, рѣшеніе бороться съ „буржуазной контръ-революціей“.

Ни отъ одной изъ представленныхъ на этихъ совѣщаніяхъ партій—эсэ-эровъ правыхъ и лѣвыхъ, с.-д. меньшевиковъ, н.-соціалистовъ, возрожденцевъ, кадетовъ—Россія не видѣла разумной патріотической дѣятельности и за четыре года неописуемыхъ страданій

не получила никакого облегченія. Русскимъ людямъ свойственно забывать старое зло, прощать прежніе грѣхи. Можно было бы и теперь, въ дни испытаній, забыть о томъ, что всѣ эти г.г. Авксентьевы, Коноваловы, Гольдштейны и др., задумавъ устроить революцію по плану, какъ устраиваютъ маневры по диспозиціи, оказывается, „нѣсколько ошиблись“, какъ признался г. Милюковъ, и взорвали на воздухъ великое и мощное Государство Россійское, слагавшееся втеченіе вѣковъ усиліями и подвигами благороднѣйшихъ сыновъ Родины и народныхъ героевъ отъ Дмитрія Донского до Кутузова, отъ Минина и Пожарскаго до Скобелева и Столыпина. Можно было бы имъ простить ихъ преступный опытъ примѣненія къ Россіи на практикѣ одной изъ революціонныхъ теорій, если бы теперь, въ дни скорби и отчаянія, они проявили бы хоть проблески сознанія своей вины передъ Родиной, прозрѣли бы свои ошибки и рѣшились бы вступить на новый для нихъ національно-патріотическій путь.

Дѣйствительность показываетъ, что всѣ эти люди, горделиво именующіе себя „русской общественностью“ и говорящіе не иначе, какъ отъ лица всей Россіи, ничего не забыли изъ своихъ столь жестоко осмѣянныхъ жизнью партійныхъ программъ и ничему за эти кровавые годы революціи не научились. Блистательнымъ доказательствомъ этого является то, что ихъ планъ сплоченія антибольшевицкой общественности не пошелъ дальше созыва находящихся за-границей членовъ „учредительнаго собранія“. Такой проектъ воистину является свидѣтельствомъ о бѣдности мысли, ибо разогнанное большевиками собраніе никогда въ дѣйствительности не было ни всероссійскимъ, ни учредительнымъ, ибо выборы

въ него происходили въ эпоху анархіи и развала, въ тѣ времена, когда отсутствовала самая элементарная политическая свобода, были задушены всѣ органы печати національнаго и патріотическаго направленія и для цѣлаго ряда партій, ставшихъ правѣ временнаго правительства, была закрыта возможность принять участіе въ предвыборной кампаніи. „Учредительное собраніе“, закрытое матросомъ Желѣзнякомъ, было просто на просто сбродомъ отбросовъ выпущенной на волю каторги и самыхъ худшихъ элементовъ населенія. Доказательствомъ является тотъ фактъ, что значительное число членовъ этой „Учредилки“ еще въ 1919 году, послѣ крушенія фронта „Уфимскаго учредительнаго собранія“, пошло служить къ большевикамъ и сейчасъ пребываетъ въ Совдепѣи въ различныхъ комиссаріатахъ.

Не менѣе страннымъ, чтобы не сказать болѣе, фактомъ является приглашеніе на совѣщаніе членовъ Г. Думы и Г. Совѣта Керенскаго, которому, по словамъ А. И. Гучкова три раза было посылаемо приглашеніе, но которымъ г. Керенскій не воспользовался. Приглашеніе Керенскаго, *единодушно презираемаю остymi русскими арміями*, начиная съ Ледяного Корниловскаго похода, боровшимся противъ большевиковъ, Керенскаго провокатора, труса и предателя, является оскорбленіемъ для cadaго русскаго воина, въ неслыханно тяжкихъ условіяхъ защищавшаго послѣдній клочекъ Родной Земли отъ комиссаровъ, коммунистовъ, латышскихъ, китайскихъ и еврейскихъ батальоновъ. Надо было совсѣмъ забыть въ уютѣ парижскихъ отелей и бульваровъ о русскомъ офицерѣ-страстотерпцѣ, надо было забыть о преданныхъ Керенскіимъ генералѣ Корниловѣ, генералѣ Крымовѣ, о сотняхъ офицеровъ, убитыхъ и за-

мученныхъ по попустительству временнаго правитель-ства въ Выборгѣ, Гельсингфорсѣ, Кронштадтѣ, Петроградѣ и на фронтѣ, чтобы рѣшиться произнести имя Керенскаго въ томъ собраніи, которое устами князя Львова соизволило привѣтствовать Русскую Армію!

Нѣтъ, то, что собирается и произносить свои безконечныя рѣчи въ Парижѣ и Прагѣ, является не русской общественностью, а лишь грубой подъ нея поддѣлкой, такой же фальсификаціей, какой были разные „крестьянскіе съѣзды“, на которыхъ собирались и засѣдали Гоцлиберданы и не было крестьянъ. И не этой „общественности“, въ свое время проговорившей Россію, спасти теперь нашу Родину, томящуюся въ когтяхъ краснаго звѣря. Самое большое, что можетъ удался этимъ „общественнымъ дѣятелямъ“, это сорвать субсидіюку отъ кого-либо изъ иностранныхъ филантроповъ, вродѣ того, какъ это продѣлывалъ Петлюра, и на этомъ успокоиться у какихъ-нибудь лазурныхъ береговъ Ривьеры или Капри.

Одинъ изъ возникшихъ въ Парижѣ комитетовъ, именующій себя „Національнымъ Комитетомъ“, опубликовалъ призывъ сплотиться въ борьбѣ съ большевиками «всѣмъ, кто порвалъ со старой Россіей» и «кто стоитъ на почвѣ признанія завоеваній февральской революціи».

У парижскихъ россіянъ теперь большая мода дѣлать Россію на «старую», «новую» и даже «третью Россію».

Для русскихъ людей существуетъ только о д н а Р о с с і я, собираемая исторически цѣлыми столѣтіями и промотанная въ 4 года тѣми людьми, которыхъ въ старину называли «ворами». Могущество, величіе и военная слава были именно у этой «старой» Россіи, у

«новой» же ничего—съ эпохи бездарныхъ авантюристовъ временнаго правительства—до эпохи талантливыхъ палачей русскаго народа Лениныхъ и Троцкихъ, кромѣ безславія, измѣны союзникамъ и позорнаго Брестъ-Литовскаго мира, раззоренія, голода, грабежей, пожаровъ и бесцудныхъ казней не было и нѣтъ.

Но даже эту Россію, опозоренную и окровавленную, презираемую и униженную, Россію, захваченную красной нечистью, мы, русскіе люди, не перестаемъ любить и за ея освобожденіе изъ лапъ коммунистовъ мы шли подъ пули въ то время, когда парижскіе «освободители» сидѣли въ комфортабельныхъ салонахъ и «дѣлали политику».

Разграниченіе, которое воззваніе «Національнаго Комитета» дѣлаетъ указаніемъ на то, что призываются только стоящіе «на почвѣ признанія завоеваній февральской революціи»; намъ очень хорошо знакомо. Старая пѣсенка, ее очень выразительно поютъ въ Совдепіи!

Призывая только тѣхъ, кто стоитъ на почвѣ «завоеваній революціи», парижскій «Національный Комитетъ» повторяетъ въ нѣсколько иномъ вариантѣ приемы «комиссіи по борьбѣ съ контръ-революціей», приемы пресловутой Ч е - к а!

Это и вполнѣ логично, если вспомнить, что нынѣшняя Ч е - к а Дзержинскаго и Лациса выросла изъ «чрезвычайной слѣдственной комиссіи», организованной въ мартѣ 1917 года Керанскимъ и московскимъ адвокатомъ Муравьевымъ, работающимъ нынѣ у большевиковъ...

Также не совсѣмъ понятно, на кого рассчитаны разсужденія о «двухъ революціяхъ», о февральской, такъ сказать, «революціи пѣрвый сортъ», «завоеванія»

которой слѣдуетъ беречь, какъ зѣницу ока, и объ октябрьской «революціи второй сортъ», завоеванія которой уже не по вкусу господамъ, сбѣжавшимъ изъ «красной Россіи» въ Парижъ. Всѣ подобныя разглагольствованія, пригодны только для вислоухихъ ту-пиць на митингъ, и тамъ за нихъ еще можно сорвать аплодисменты.

Для каждого же, отдающего себѣ отчетъ въ происходящемъ, русскаго человѣка совершенно ясно, что въ Россіи съ февраля 1917 г. происходитъ одинъ революціонный процессъ, протекаетъ все одна и та же революція, переживающая различныя стадіи: стадію исполнительнаго комитета Государственной Думы, стадію керенщины и развала фронта, стадію анархо-большевизма, стадію совѣтизаціи Россіи и, наконецъ, стадію коммунистическаго милитаризма, замышляющаго покорить весь міръ.

Если за эти кошмарныхъ 4 года высчитывать революціи по мѣсяцамъ и номерамъ, то ихъ наберется не двѣ, февральская, и октябрьская, а, пожалуй, двадцать двѣ, ибо стадіи революціоннаго процесса весьма различны и по разному въ каждый изъ нихъ страдалъ и изнывалъ обманутый русскій народъ.

Россія нуждается въ сплоченіи національныхъ общественныхъ силъ и они будутъ сплочены въ одинъ монолитъ помимо парижскихъ и пражскихъ гово-риленъ. И первые, кто выстрадали свое право говорить за Россію и называться русской общественностью, — это русскіе офицеры, боровшіеся съ большевиками не словами, а своей плотью и костями, и тѣ подлинно-русскіе общественные элементы, которые умѣютъ любить Россію больше партійныхъ программъ, умѣющіе національно и государственно мыслить.